

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

УДК 316.334.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

Е. А. Лупина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Аннотация. В начале статьи автор останавливается на истории формирования экологического подхода и сложившихся к сегодняшнему дню в нем моделях. Далее прослеживается трансформация представлений человека о природе. Автор отмечает, что уже в работах античных философов понятие «фюсис» носит поливариантный характер, перемещаясь из медицины в область природных элементов, стихий, и лишь в философии Аристотеля приобретает близкую к современной трактовку. В рамках христианского богословия происходит обоснование нетварной природы Бога и тварной природы человека и окружающего мира. Представления же о Боге и человеке, его взаимодействия с природой, выстраивают иерархическую вертикаль, верх которой занимает Бог, а низ отводится природе. Человек, находящийся между ними, отныне не являлся связующим звеном, он противостоял природе, поддерживаемый Богом. Автор подчеркивает, что результатом развития данной тенденции и новоевропейского представления о способности человека покорить природу, становится отчуждение человека от природы, формирование антропоцентрического экологического сознания, в рамках которого природа есть лишь объект приложения усилий человека, его различных, чисто прагматических, манипуляций в отношении природы. Этому типу сознания присущи антропоцентризм, антиэкологизм и социальный оптимизм. В Заключении делается вывод о том, что одним из направлений деятельности для преодоления экологического кризиса должна стать коэволюция, предполагающая восстановление на основе пересмотра и переосмысления всех факторов общественного развития органического единства.

Ключевые слова: парковое пространство, экология, природа, экологический подход, экологическое сознание, антиэкологизм, коэволюция.

Для цитирования: Лупина Е. А. Взаимоотношения человека и природы в контексте экологического подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 37–44. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

THE RELATIONSHIP BETWEEN MAN AND NATURE IN THE CONTEXT OF AN ECOLOGICAL APPROACH

ЛУПИНА ЕЛЕНА АМИРАНОВНА – соискатель кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры; директор Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького

LUPINA ELENA AMIRANOVNA – Applicant at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture; Director of M. Gorky Central Park of Culture and Recreation

© Лупина Е. А., 2024

Elena A. Lupina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
M. Gorky Central Park of Culture and Recreation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Abstract. At the beginning of the article, the author dwells on the history of the formation of the ecological approach and the models that have developed in it to date. Further, the transformation of human ideas about nature is traced. The author notes that already in the works of ancient philosophers, the concept of “*fusis*” has a multivariant character, moving from medicine to the field of natural elements, elements, and only in the philosophy of Aristotle acquires a close to modern interpretation. Within the framework of Christian theology, the uncreated nature of God and the created nature of man and the surrounding world are substantiated. The ideas about God and man, his interaction with nature, build a hierarchical vertical, the top of which is occupied by God, and the bottom is assigned to nature. The man between them was no longer a link, he opposed nature, supported by God. The author emphasizes that the result of the development of this trend and the new European idea of man's ability to conquer nature is the alienation of man from nature, the formation of an anthropocentric ecological consciousness, in which nature is only the object of human efforts, his various purely pragmatic manipulations with regard to nature. This type of consciousness is characterized by anthropocentrism, anti-environmentalism and social optimism. In conclusion, it is concluded that one of the areas of activity for overcoming the environmental crisis should be coevolution, which involves restoration on the basis of revision and rethinking of all factors of social development of organic unity.

Keywords: park space, ecology, nature, ecological approach, ecological consciousness, anti-environmentalism, coevolution.

For citation: Lupina E. A. The relationship between man and nature in the context of an ecological approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 37–44. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-37-44>

Экология как наука рассматривает, с одной стороны, взаимодействие любых живых систем и их среды обитания, с другой, – особенности протекания процесса взаимодействия и его результаты. Из этого следует, что формирование экологического мышления детерминировано тремя компонентами – знанием о биологических системах, о среде их обитания и о взаимодействии их элементов. В. И. Вернадский подчеркивал, что «человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении, теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой» [2, с. 32]. Отражение взаимоотношений человека и природы, восприятие природы как части бытия является основой экологического сознания. Сформированное в рамках данного историко-культурного периода оно детерминирует поведение человека и общества в отношении

природной среды. Безусловно, развитие цивилизации невозможно без использования природных ресурсов, поиска способов их освоения, расширения ареала присутствия человека, ибо ежегодно человечество заселяет новые территории, которые до этого оставались в статусе естественных. Однако активизировавшееся в последние 100–150 лет развитие техногенных сфер привело к росту антропогенной нагрузки, что негативно сказалось на окружающей среде.

К сегодняшнему дню в рамках экологического подхода выделяют, как правило, гносеологическую и биологическую линии. Первая из них формировалась под влиянием идей Джеймса Дж. Гибсона и школы экологической психологии (Р. Баркер), для представителей которых важным фактором воздействия на человека выступала окружающая среда (в том числе, и природная). Кроме того, Гиб-

сон разработал теорию восприятия, которая базируется на информации. Он был одним из первых, предложивших типологию восприятия. Именно информации ученый отводит доминирующее воздействие на субъекта, а не ощущениям, т. е. разум при восприятии импульсов окружающей среды не подключает механизмы обработки и когнитивного конструирования, познание характеризуется непосредственностью (в данном исследовании позиция Гибсона будет использована в следующей главе при анализе визуальности).

Вторая линия исходит из идеи о взаимосвязи окружающей среды и общества (организма), их диалоге, о стремлении к формированию единой системы, где они будут выступать ее равноценными компонентами. Кроме того, представители данного подхода (например, Э. Хауген, введший в 1970-е гг. термин «экология языка», Х. Хаарманн, А. Филл и др.) считают возможным относить экологическую терминологию на социальные процессы. В частности, в рамках этой концепции, базирующейся на тесном взаимодействии человека, окружающей его среды и языка, на котором он говорит, язык (как вербальный, так невербальный) (или общество) может трактоваться как экосистема. Данный подход так же интересен для анализа паркового пространства, поскольку дает возможность взглянуть на стилевые особенности художественного языка, использованного для обустройства парка.

С древнейших времен жизнь человека протекала в природном окружении, более того, в тот период человек фактически полностью от него зависел. Невозможность объяснения многих природных явлений (смена времен года, природные катаклизмы и погодные факторы) приводит к их обожествлению. Сохранились сведения о традиции поклонения деревьям: так, кельты почитали дуб, жители древней Нубии почитали сикомору. Постепенно взгляд человека на природу менялся.

Среди трудов древнегреческих философов нередко встречаются сочинения под названием «О природе вещей», что свидетельствует об интересе к данной проблема-

тики уже в тот период. В культуре Др. Греции используется существительное «фюсис» (от др.-греч. φύσις), ведущее свое происхождение от глагола φύω («рождать», «производить на свет», «выращивать»). Один из самых ранних примеров использования этого понятия встречается в «Одиссее» Гомера, где поэт, характеризуя чудодейственные свойства растения «моли», которое Гермес вырывает из земли и показывает Одиссею, автор показывает тем самым природу этого растения.

Любопытно, но первыми описывать свойства лекарственных растений с помощью термина «фюсис» начали древнегреческие врачи. Лишь со временем его стали относить к явлениям природы, например, к стихиям, которые в древнегреческой культуре представлялись не просто элементами окружающего мира, а имели божественный статус. Первым же философом, который ставит фюсис в центр философской рефлексии, был Гераклит. Для него природа выступает сущностью вещи, которая может быть скрыта и не сразу обнаруживаема. Кроме того, он указывает, что природа вещи имеет протяженность во времени, а, следовательно, может изменяться.

В Др. Риме аналогом фюсису выступает латинский термин «*natura*» (от *nasci* – «родиться, возникать»). Постепенное расширение содержания данных терминов происходило еще в границах античной культуры. Так, уже в «Своде Гиппократов» (V в. до н. э.) встречаются трактовки «от смысла натуры человека – его качеств («по природе хорошие едоки») – до выделения доминанты организма («желчная природа человека») или человека («сильная природа»), а также об окружающей среде («внешний вид и нравы людей большей частью отражают природу страны»)» [9, с. 66–78]. Противоположностью природы (во всех ее проявлениях и трактовках), основу которой составляет порядок, с точки зрения древних греков, выступает хаос.

Платон в «Софисте» рассуждает о двух видах творчества, соотнося первый из них с божественным искусством, который и выступает основой природы, второй же есть ис-

куство человеческое. Исходя из этого, Платон рассматривает природу как движущую причину и силу «порождения и гибели явленных вещей, она представляет собой разумную душу, пребывающую во всех вещах (гилозоизм)» [7, с. 619]. Более того, А. Ф. Лосев подчеркивает, что для философа идея и материя выступают тождественными, поскольку он мыслит их «в иерархийном порядке, начиная от неодушевленных, одушевленных и разумных созданий, восходя к Мировой душе и к Мировому уму и кончая опорой на всеединую идею блага, то есть опорой на абсолютное первоединство» [6, с. 245]. В данном случае можно говорить о расширении Платоном смысла понятия «природа», поскольку философов включает в него и представление о душе. Таким образом, в теории Платона происходит преодоление вещественно-материального подхода в трактовке природы, характерного для досократиков.

Центральное положение данное понятие занимает в философии Аристотеля, который, собственно, и создает физику как учение о природе. Более того, понимая вариативность последней, он дает различные трактовки термина «природа» (в частности, в «Метафизике», где представляет спектр от «рождения» до «первопричины движения») [1, с. 149–150]. Для Аристотеля одной из специфических характеристик материальной природы выступает ее потенция, способность к изменениям, философ указывает на нее, как источник движения. Для природы, с его точки зрения, характерны фундаментальные связи, базирующиеся на основе энтелехии, благодаря которой она приобретает целостность и упорядоченность. То есть он разделяет позицию Платона о том, что душа есть элемент природы. Таким образом, природа у Аристотеля, с одной стороны, «отлична от материи, а с другой, вполне имманентна ей как некий общий принцип» [4, с. 80].

В границах древнеримской цивилизации возникло и слово «cultura», изначально имевшее поливариантную трактовку, которое включает значение и «обитать где-либо»,

и сельскохозяйственное (обработка земли), и сакрально-культовое. Несмотря на многозначность термина и отнесение его к разным сферам деятельности, объединяющим выступает ориентированность на преобразование (природы, места проживания, души человека и т. д.), т. е. качественное изменение, и это позволяет провести параллель с понятием «фюсис», которое также предполагает развитие и возможность, и может быть отнесено как к окружающему миру, так и к человеку. Г. Гачев отмечал, что «сама идея земледелия – грандиозное метафизическое сцепление. Земля – это мать, та, которой свойственно родить, порождать, давать прирост бытию через Эрос и естественное рождение, через самую жизнь. Труд – это искусство, прибавление к бытию через творение» [3, с. 373].

Таким образом, уже в эпоху античности можно проследить динамику трактовки понятия «фюсис», которое из области медицины переходит в область природных элементов, стихий, имеющих божественное происхождение, а в философии Аристотеля приобретает смысл, близкий современному: природа есть естественная среда, куда включен и человек.

В раннехристианских текстах (в частности, у Климента Александрийского и Оригена) употребление термина «фюсис» увеличивается, что свидетельствует о тенденции его осмысления в рамках богословия. Безусловно, главное внимание было сосредоточено на объяснение природы Бога. Именно это звучит в выводах Первого Вселенского собора в Никее (325 г.), где и был сформулирован символ веры, закрепивший единосущность Бога-Отца и Бога-Сына, Святого Духа, то есть троичность природы Бога. Пытаясь максимально дистанцироваться от эллинистических представлений, христианские богословы предлагали пространные размышления о природе Бога и человека, исходя, главным образом, из понятий «сущность».

Таким образом, в контексте христианского богословия происходит обоснование нетварной природы Бога и тварной природы человека и окружающего мира. Представле-

ния же о Боге и человеке, его взаимодействии с природой, выстраивают иерархическую вертикаль, верх которой занимает Бог, а низ отводится природе. Человек, находящийся между ними, отныне не являлся связующим звеном, он противостоял природе, поддерживаемый Богом. То есть истоки существующего сегодня противопоставления человека и природы, искусственного и естественного можно обнаружить в средневековом периоде, а в дальнейшем этот процесс их постепенного отдаления лишь продолжится (так, на протяжении XVII–XVIII вв., в момент формирования политической философии мыслители оперируют понятиями «естественный человек», «естественное право», которое противопоставляется праву божественному).

Эпоха Возрождения посредством пантеизма предприняла попытку нивелировать оппозицию «человек – природа», стремясь восстановить утраченное в христианстве единство божественного и природного. Ренессансное искусство в полной мере отразило эти идеи, демонстрируя в созданных его мастерами произведениях гармоничное соединение телесного и духовного. Художники стремились подчеркнуть значимость природной среды, делали ее неотъемлемым элементом своих работ, помещая в это природное окружение своих персонажей. Более того, именно в этот период происходит становление жанра пейзажа (особенно ярко эта тенденция проявилась в германской и голландской живописи XVI века, а к XVII в. он уже полностью оформится), что так же свидетельствует о происходивших переменах во взгляде на природу.

Данная тенденция – приобретение значимости природным началом – будет влиять и на развитие науки, поскольку представление о природе как о чем-то низменном, не способствовало проявлению интереса к ней. Осмыслению в средние века подлежала лишь небесная сфера, теологи пытались дать обоснование, прежде всего, божественной природе. Но в эпоху Возрождения живописцы начинают прибегать к линейной перспективе,

поэтому они не могли обойтись без знаний в области оптики, а правильное мускульное движение персонажа невозможно показать без представлений об анатомическом строении. Все это приводит к развитию знания, базирующегося на опыте, на наблюдении, формируется представление о том, что истину необходимо искать в природной среде.

В Новое время, под воздействием научной революции, происходит окончательное отчуждение человека от природного окружения. Особую роль в этом процессе, безусловно, сыграла философия Р. Декарта, уподоблявшего мир механизму (об этом он пишет, например, в «Первоначалах философии», где сопоставляет мир с часовым механизмом, который Бог-часовщик заводит каждый день). Картезианство опирается на идею о том, что с помощью разума, мышления (*cogito*) человек способен господствовать над природными силами, благодаря ему человек может придумать технические средства и совершать открытия, позволяющие подчинить природу. Эта философская доктрина оперирует понятиями о человеке как субъекте и мире как объекте. Можно сказать, что картезианство стало, своего рода, итогом развития того экологического сознания, основанного на представлении об особой, уникальной природе человека, о его выделенности из естественного окружения, формирование которого началось еще в период раннего христианства. С этого момента европеец не мог позволить развиваться природе самой по себе, она должна служить человеку, приносить ему пользу. То есть в данном случае, возможно говорить о впитывании наукой, которая в период Нового времени обретает автономность, превращается в самостоятельную форму познания бытия, представлений об исключительности человека, которые до этого бытовали в религиозной сфере. Однако если его избранность в христианстве объяснялась творением человека по образу и подобию Бога, то в рамках научной парадигмы она объясняется наличием разума. Таким образом, как это ни парадоксально, но в данном случае происходит

единение двух абсолютно противоположных по своим основаниям форм познания мира: к авторитету библейского текста теперь добавился авторитет научного знания.

Результатом развития данного представления и становится отчуждение человека от природы, *формирование антропоцентрического экологического сознания, в рамках которого природа есть лишь объект приложения усилий человека*, его различных, чисто прагматических, манипуляций в отношении природы. Данному типу сознания присущи:

- антропоцентризм, базирующийся на представлении об отличии человека от других живых существ тем, что он есть существо, создавшее культуру;
- антиэкологизм, поскольку вся деятельность человека в природной среде строится не на биофизических факторах, как у остальных живых организмов, а на основе социокультурных, ибо для человека приоритетным выступает мир социальный, а не природный;
- социальный оптимизм, исходящий из уверенности в бесконечном научно-техническом, а, следовательно, и социальном прогрессе.

В контексте данного типа сознания природа есть всего лишь окружающая среда, поэтому на нее, например, не распространяются этические нормы, они действуют лишь в человеческом сообществе. Собственно, такое восприятие природы и заложило основу для возникновения экологического кризиса.

Следует отметить, что осмысление данной проблематики началось в 1960–1970-е гг., когда довольно остро встал вопрос о выживании человечества в связи с угрозой ядерной войны и потребительским отношением к природным ресурсам. Знаковым в этом отношении является открытие в 1968 г. Римского клуба, одной из главных задач которого выступала охрана природной среды, экологии Земли.

Исходным импульсом становится понимание, что «выживание общества всегда зависело от сохранения равновесия между

тремя переменными: «население», «ресурсы» и «окружающая среда»» [11, с. 15].

В СССР выдающейся личностью, чья целенаправленная и многолетняя деятельность по сохранению природы приводит к учреждению Экологического союза СССР бал Н. Ф. Реймерс (в 1988 г. ученый стал первым его председателем). Его исследовательский фокус от решения проблем по сохранению природы постепенно сместился в сторону экологии социальной. В частности, в работе «Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология» он касается вопросов экологии человека и экологии мегаполисов. Реймерс отмечает, что «понимание взаимозависимости людей в области экономики и экологии, их социальной связи подталкивает к объединению, снижению конфронтационных тенденций, повышению доброжелательности. Напротив, нищета, неэффективность управления ведут к паразитизму и озлобленности» [8, с. 242].

Бурное становление капиталистических отношений и переход цивилизации к постиндустриальному типу экономики привело к значительному развитию техногенных сфер, способствовавших росту антропогенной нагрузки на сферу природы. Все это, бесспорно, негативно отразилось на окружающей среде, что привело современную цивилизацию к глобальному экологическому кризису. Н. Ф. Реймерс писал о необходимости проведения «экологической оптимизации», под которой имел в виду стратегию, которая включала бы создание предпосылок и выработку комплекса методов для поддержания экологического равновесия, которое отражает особое состояние природной среды и выступает единственным условием для ее саморегуляции и воспроизводства. [8]. Он подчеркивал, что «корень зла заключается в том, что человечество не имеет механизма эффективной и быстрой обратной связи с природой. Для того чтобы произошла экологизация, требуется возникновение чрезвычайных обстоятельств или ясная перспектива их возникновения» [8, с. 241].

Одним из направлений деятельности для достижения поставленной цели должна стать коэволюция, предполагающая восстановление на основе пересмотра и переосмысления всех факторов общественного развития органического единства. Возникнув в биологии (Ч. Дарвин использует его впервые в «Происхождении видов путем естественного отбора»), это понятие сегодня приобрело статус общенаучной категории. В рамках культурфилософского подхода его трактуют как взаимосвязанное развитие человека и биосферы. Одним из первых отечественных ученых именно в таком ракурсе о коэволюции заговорил в конце 1960-х гг. биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский, который предлагал найти баланс между интересами и потребностями человека и биосферы.

Коэволюция в живой природе происходит за счет приспособления живого организма к окружающей среде, живое существо активно преобразует пространство вокруг. В биологии оно получило название «экологическая ниша», но можно вспомнить и понятие *Umwelt*, которое было введено Я. Фон Иксюлем. Несмотря на невозможность точного перевода этого слова на русский язык, тем не менее, Иксюль трактовал его как специфическое окружающее пространство, к которому приспосабливается биологический вид. Он предложил «концепцию жизненного мира, в основе которой лежит идея о том, что характеристики внутреннего мира живого существа конструируют модель внешнего мира. С другой стороны, пребывание в определенной природной среде влияет на формирование внутреннего мира. Таким образом, внутренний и внешний миры когерентны и детерминируют друг друга, а возникающий в результате жизненный мир представляет собой целостность» [10, с. 99–100]. То есть это не просто пространство, заставляющее адаптироваться, а среда, продуцируемая телесными и психическими особенностями живого организма, этот мир создается живым организмом, а потом уже созданный, сконструированный

мир воздействует на него. Таким образом, если в живой природе мир живого организма трактуется как экологическая ниша, то в социокультурном пространстве – это ниши культурные.

Можно провести параллель и с введенным К. Левиным в его теорию поля понятием «жизненное пространство» и «жизненным миром» Э. Гуссерля, возникшее как реакция на научно-институциональный подход к восприятию жизни (хотя термин упоминался и до Гуссерля, в частности, у Р. Авенариуса, Р. Ойкенома). С точки зрения Гуссерля, жизненный мир дается естественным образом и служит для описания человеческих отношений (во всем их многообразии) и окружающей человека культурной среды (начиная от мира вещей и заканчивая миром ценностей). Любопытно, что оба понятия относятся к сфере повседневности, трактуемой как каждодневная реальность жизни человека. Отчасти это можно объяснить наблюдающейся сегодня тенденцией гуманизации жизнедеятельности человека.

Таким образом, можно говорить и о возникновении в культуре коэволюционных ландшафтов как системы сложных по расположению ниш. Сегодня актуальность коэволюции как основы для пересмотра взаимоотношений человека и природы очевидна, как и необходимость формирования экологической этики (одним из принципов которой может быть следующий: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [5, с. 18]), экологической политики, центральным понятием которой выступает устойчивое развитие, подразумевающее функционирование самоорганизующейся системы с самовосстанавливающимся развитием. В этом случае основой развития выступает неустойчивость как фундамент длительного устойчивого состояния. В связи со сказанным, парк, выступающий частью городского пространства, который может трактоваться как коэволюционный ландшафт выступает одной из его ниш.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4-х т. Москва: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста: В 2 кн. Москва: Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.
3. *Гачев Г.* Вещают вещи. Мыслят образы. Москва: Академический проект, 2000. 494 с.
4. *Иеромонах Кирилл (Зинковский)*. Термин «φύσις» в древнегреческой философии, посвященном Писанию и в творениях доникейских церковных писателей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Вып. 3. С 75–88.
5. *Йонас Г.* Изменившийся характер человеческой деятельности // Человек. 1999. № 2. С. 5–19.
6. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/lose008/index.htm>
7. *Месяц С. В.* Природа // Античная философия: энциклопедический словарь. Москва: Прогресс-Традиция, 2008. С. 616–624.
8. *Реймерс Н. Ф.* Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. Москва: ИЦ «Россия Молодая» Экология, 1992. 367 с.
9. *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. Москва: Наука, 1979. 489 с.
10. *Синявина Н. В.* Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. Москва: МГИК, 2022. 365 с.
11. *Rogers R.* Cities for a small planet. London: Faber&Faber, 1997. 160 p.

*

Поступила в редакцию 28.04.2024